

Когда Хэ Ланьлин вышел из спальни, нефритовый кулон в его ладони все еще сохранял тепло. Он некоторое время постоял под карнизом, наблюдая, как снег сползает по его краям, после чего повернулся и направился к Императорской лечебнице.

В кабинете Императорской лечебницы императорский врач по фамилии Лю медленно работал над своими счетами. Услышав шаги, он поднял голову и увидел Хэ Ланьлина. Бусинки на его счетах громко щелкнули: «Заложник достоин попасть в Императорскую лечебницу? Эта небольшая травма вас не убьет. Возвращайтесь туда, откуда пришли».

Сказав это, врач Лю, увидев, что Хэ Ланьлин всё ещё стоит неподвижно, отодвинул счёты, встал и презрительным тоном сказал: «Если хочешь лечиться, то встань на колени и жди. Сегодня все ожидающие — видные деятели столицы; как ты можешь пролезть без очереди?»

Хэ Ланьлин опустил глаза и молчал. Он помнил этого человека. В прошлый раз, когда его младший брат попал под дождь и у него поднялась высокая температура, и он пришел за медицинской помощью, именно этот императорский врач Лю произнес из-за ширмы: «Жизнь заложника ничего не стоит, не стоит с ним связываться».

Увидев, что он не двигается, ученик, стоявший рядом, быстро вмешался: «Всё ещё стоите? Это уже большая услуга, что врач Лю готов позволить вам подождать здесь!»

Врач Лю погладил бороду, собираясь отпустить еще несколько саркастических замечаний, когда вдруг увидел, как Хэ Ланьлин поднял глаза.

Он медленно вытащил из рукава нефритовый кулон, и всем открылся иероглиф «□» (мир).

«Кого ты считаешь недостойным?»

Улыбка врача Лю застыла на лице. Когда он ясно увидел нефритовый кулон, его лицо побледнело. Это был нефритовый кулон, принадлежавший Его Величеству и подаренный хоу Анле. Увидеть этот кулон было все равно что увидеть хоу. Обычные чиновники кланялись и выражали свое почтение, увидев его. Как мог врач, подобный ему, не узнать его?

«Ты, ты...» Доктор Лю поспешно отступил на полшага назад, пытаясь поклониться, но Хэ Ланьлин схватила его за запястье.

Хэ Ланьлин ничего не сказал, лишь вывернул ему руку, и доктор Лю вскрикнул от боли, его прежняя самоуверенность полностью исчезла.

«Что вы сказали, когда я приходил на лечение в прошлый раз?» — голос Хэ Ланьлина был очень тихим. — «Жизнь заложника ничего не стоит, не стоит с ним связываться?»

От легкого толчка врач Лю споткнулся и опрокинул полку с лекарствами, разбросав фарфоровые флаконы по всему полу. Ученик так испугался, что съехался в углу, не смея даже дышать.

«Хоу приказал, — сказал Хэ Ланьлин, убирая нефритовый кулон обратно в рукав и бросая взгляд на растрепанного врача Лю, — что любой сотрудник Императорской лечебницы, когда-либо оскорбивший меня, должен сегодня же получить по справедливости».

Он затаил обиду и действительно ждал этого момента. Теперь, когда Ли Анле вручил ему нож, у него не было причин не использовать его.

Старшие врачи Императорской лечебницы были так напуганы, что сбились в кучу. Неопрятный вид врача Лю все еще был свеж в их памяти, и никто из них не осмеливался снова его провоцировать.

В углу стоял молодой императорский врач, едва достигший двадцатилетнего возраста, который попал во дворец всего год назад.

В течение этих полутора лет Ли Аньлэ болел и большую часть времени проводил дома, восстанавливаясь после болезни и редко посещая дворец. В результате этот императорский врач Чжоу так и не встретился с хоу Аньлэ лично.

Врач Чжоу не имел реальных связей и часто подвергался давлению со стороны начальства в Императорской лечебнице, ведя удушающую жизнь. Увидев, что Хэ Ланьлин - заложник, присланный с Северной границы, он почувствовал, что, по крайней мере, есть кто-то ниже его по статусу, поэтому часто использовал предлог консультаций для саркастических замечаний и оскорблений.

Видя, как Хэ Ланьлин запугал всех одним лишь нефритовым кулоном, врач Чжоу, будучи молодым и импульсивным и никогда лично не испытывавшим силы хоу Анле, подумал, что другие раздувают из мухи слона.

Он слышал кое-какие слухи о хоу Анле, но не знал всей правды. Он вызывающе встал и крикнул Хэ Ланьлину: «Что ты так высокомерно себя ведёшь?»

Услышав это, стоявшие неподалеку пожилые врачи побледнели от страха, их сердца замерли в груди.

Однако врач Чжоу был совершенно не в курсе и громко сазал: «Кто не знает, что хоу Анле — гомосексуалист? Ты всего лишь фаворит, пришедший к власти благодаря телу, чем тут гордиться?»

Хэ Ланьлин посмотрел прямо на врача Чжоу. Тот предположил, что его слова задели Хэ Ланьлина: «Что, я попал в точку? Кто не знает, что хоу Анле питает слабость к мужчинам? Ты — заложник с Северной границы, совсем один и беспомощен. И вдруг ты получил его нефритовый кулон в качестве талисмана. Кем же ты можешь быть, как не мужчиной, который поднялся по социальной лестнице, переспав с ним?»

Он взглянул на молчаливых, дрожащих стариков-врачей в комнате и почувствовал себя все более оправданным. Его тон стал еще агрессивнее: «Ты думаешь, что ты особенный только потому, что полагаешься на власть своего господина и ведешь себя так высокомерно в Императорской лечебнице? Если бы не этот осколок нефрита, подаренный тебе хоу Анле, ты бы даже не был достоин того, чтобы я тебя смотрел. Чем же в тебе гордиться?»

Врач Лю, только что поднявшийся с земли, испугался, услышав это. Он поспешно попытался закрыть рот Чжоу, но тот оттолкнул его, сказав: «Врач Лю, почему вы меня останавливаете? Разве я говорю неправду?»

Старые императорские врачи уже побледнели от страха, а некоторые из наиболее робких даже молча отвернули лица, словно уже предвидели судьбу молодого врача.

Глядя на лицо врача Чжоу, на котором читалось высокомерие, выражающее мысль о том, что «неведение — блаженство», Хэ Ланьлин вдруг нашел это смешным. Глупость этого человека была настолько наивной, что казалась почти абсурдной, словно он никогда не видел истинной

жестокости мира, и именно поэтому осмелился использовать эти необоснованные слухи в качестве оружия.

Хэ Ланьлин не произнес ни слова, но сделала несколько шагов вперед. Прежде чем врач Чжоу успел отреагировать, он небрежно схватил с подноса рядом с собой небольшой серебряный игольчатый нож — изначально использовавшийся для прокалывания шипов и выведения токсинов, а теперь...

«Что... что ты собираешься делать?» Доктор Чжоу наконец понял, что ему страшно.

Хэ Ланьлин сохранял спокойствие, его кончики пальцев слегка подергивались, когда серебряная игла точно вонзилась в сухожилия на внутренней стороне запястья врача Чжоу. В одно мгновение пронзительный крик нарушил тишину Императорской больницы.

«Ааааа! Моя рука!» — доктор Чжоу содрогнулся от боли, с ужасом глядя на свою безжизненную, неподвижную правую руку. «Как ты смеешь быть таким наглым?! Я подам на тебя в суд!»

«Заткнись!» — поспешно приказал доктор Лю своему ученику броситься вперед и закрыть рот доктору Чжоу, опасаясь, что тот может сказать что-нибудь, что вызовет неприятности.

Глава Императорской лечебницы неуверенно шагнул вперед, низко поклонился Хэ Ланьлину и с крайним смирением произнес: «Молодой господин Хэ, пожалуйста, успокойтесь. Это наша вина, что мы не наказали этого невежественного юношу, который вас оскорбил. Он новичок во дворце и не знает правил. Он оскорбил вас, а также опозорил того человека. Он действительно заслуживает наказания».

Его слова были завуалированными, но в то же время острыми: «Всё, что произошло прежде, — результат нашего пренебрежения долгом. Мы надеемся, что вы, юный господин, проявите великодушие и не будете держать на нас обиду из-за этого глупца. Мы сурово накажем его и никогда больше не позволим ему предстать перед вами».

Другой пожилой врач с седыми волосами и бородой вмешался: «Да-да, этот ребенок прямолинеен. Юный господин, пожалуйста, не принимайте это близко к сердцу. Вы великодушный человек; пожалуйста, простите его на этот раз ради нас».

Хотя он и извинялся перед Хэ Ланьлином, на самом деле он умоляла его не рассказывать об этом Ли Аньле, поскольку тот был той самой непреодолимой силой, которую они не могли себе позволить обидеть.

Хэ Ланьлин замер, его взгляд медленно скользил по толпе: «Пощадить? Ни в коем случае».

Он сделал паузу, глядя на испуг на лицах императорских врачей, прежде чем продолжить: «Мой младший брат в Северной территории всё ещё воспитывается во дворце. Он молод и слаб. Если у него в будущем будут болеть голова или подниматься температура, мне придётся вас всех побеспокоить».

Это не было обсуждением; это скорее было объявление, напоминание, несущее невидимое давление.

Сотрудники Императорской лечебницы сразу всё поняли, и главный врач сказал: «Молодой господин Хэ, будьте уверены! Ваш брат — наш почётный гость. Отныне, если у него возникнет какая-либо потребность, вся Императорская лечебница сделает всё возможное и не посмеет

проявить ни малейшей халатности!»

«Да, да, да!» — врач Лю согласно кивнул. — «Ваш младший брат благородного происхождения, и мы, безусловно, будем ежедневно внимательно следить за ним и тщательно о нем заботиться, не допуская ни малейшей ошибки!»

Императорская лечебница полна проникательных людей; все они понимают, что сегодняшние действия Хэ Ланьлина — это не только стремление к справедливости для себя, но и использование влияния хоу Анле, чтобы проложить путь своему младшему брату во дворце.

Это не месть; это, безусловно, тонкий способ установления власти.

Услышав эти заверения, Хэ Ланьлин наконец-то выразил удовлетворение на лице.

Он слегка кивнул, подтверждая обещание, затем повернулся и ушел.

Как только Хэ Ланьлин вышел из теплого павильона, он увидел Чжию, ожидающую его в коридоре «Молодой господин Хэ, вы наконец-то прибыли. Хоу как раз спрашивал о вас».

Когда Хэ Ланьлин поднял занавеску и вошел, Ли Анье развалился на мягкой кушетке, играя в руке с недавно приобретенной сандаловой безделушкой — это была полая механическая шкатулка. Он вращал медное кольцо на шкатулке кончиками пальцев, прислушиваясь к лязгу шестеренок внутри, его взгляд был полон сосредоточенности.

Услышав шаги, Ли Анье даже не поднял глаз. Он некоторое время играл с медным кольцом на шкатулке-головойлке, а затем сказал: «Иди сюда».

Хэ Ланьлин шагнул вперед, и как раз когда он собирался опуститься на колени, Ли Анье мягко прижал свое колено к его колену вытянутой ногой.

«Не нужно становиться на колени», — Ли Анье постукивал пальцами ног по мягкой обивке пола под диваном. «Просто сиди здесь».

Хэ Ланьлин, как ему было велено, сел и уже собирался что-то сказать, когда Ли Анье медленно спросил: «Что ты сегодня делал в Императорской лечебнице?»

Хэ Ланьлин был ошеломлен. Вероятно, кто-то уже доложил ему о его деятельности в Императорской лечебнице, но Ли Анье настоял на том, чтобы он рассказал об этом сам.

Хэ Ланьлин опустил глаза: «Я пошел перевязать рану, а заодно преподавал урок двум императорским врачам, которые ранее проявили ко мне неуважение. У одного из них теперь повреждены сухожилия, и, вероятно, он не сможет заниматься медицинской практикой в будущем».

Сказав это, он молча ждал, когда Ли Анье отругает его за то, что он «зашёл слишком далеко». В конце концов, они находились во дворце, и создавать слишком много проблем было бы нехорошо.

Он уже решил, что если Ли Анье действительно захочет его наказать, он это примет. Он проложил путь своему младшему брату, так что не заплатит эту небольшую цену?

Неожиданно человек на кровати вдруг рассмеялся. Ли Анье с интересом посмотрел на Хэ Ланьлина, словно рассматривая игрушку, которая пришлась ему по вкусу.

Ли Аньле протянул руку и нежно покрутил кончиками пальцев прядь волос у виска Хэ Ланьлин, медленно сжимая и играя с ней. В этом действии чувствовалась непринужденная интимность, но в то же время ощущалось неоспоримое чувство контроля.

«Перерезанные сухожилия?» — Ли Аньле снова усмехнулся, легонько потянув за прядь волос. Сила была слабой, но в голосе звучала насмешка. — «Ты был довольно безжалостен».

Он наклонился, его нос почти коснулся лба Хэ Ланьлин, голос его был резким и угрожающим: «Однако...»

Ли Аньле распустил волосы, нежно погладил щеку Хэ Ланьлин кончиками пальцев и с оттенком одобрения сказал: «Как и следовало ожидать от моей собаки, такая послушная».

Хэ Ланьлин опустил глаза, в носу все еще витал кровавый запах разорванных сухожилий. Слова Ли Аньле «хороший мальчик» заставили его почувствовать себя немного нелепо. Как такой, как он, мог быть связан с понятием «хороший мальчик»?

Он не стал спрашивать, но в конце концов на его лице отразилось это колебание.

Ли Аньле заметил мимолетное замешательство в его глазах и вдруг нашел это забавным.

<http://bllate.org/book/17608/1641912>